

МАНДЕЛЬШТАМ – ЕСТЬ!

Уже в самом обращении к творчеству Осипа Мандельштама режиссера Олега Дмитриева в своей постановке моноспектакля «Мандельштама нет» утверждается обратный неоспоримый постулат: «Мандельштам – есть!» От себя остается лишь добавить – был, есть и будет!

Странно было бы (по)читателям творчества Осипа Эмильевича полемизировать с режиссерским замыслом моноспектакля Олега Дмитриева «Мандельштама нет». Ибо, поэтическая природа (душа) существует согласно божественному промыслу – вне времени и пространства. Александр Сергеевич, помазанник Музы и предтеча русского эстетического сознания, за столетие до гибели Мандельштама вывел формулу посмертного существования поэтической души:

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Поэзия и поэт живы пока на земле сохраняется хоть одна подлинно трепетная поэтическая душа, которая несет светоч красоты слова в «сумерках свободы». Как только последний поэт (душа) на земле умирает, то вместе с ним умирает и Слово как свидетельство красоты души человеческой. Но это, как нетрудно догадаться, возможно лишь с исчезновением рода человеческого вообще.

Уже в самом обращении к творчеству Осипа Мандельштама режиссера Олега Дмитриева утверждается живое присутствие поэта среди нас, его читателей и почитателей, - трагическое мироощущение последних лет его жизни. Какая же пропасть отделяет отроческую просветленность поэта – Только детские книжки читать, /только детские думы лелеять.../ - от катастрофической обреченности «человека эпохи москвошвея» (О.М.) в его предсмертные годы: Мы живем, под собою не чуя страны, /Наши речи за десять шагов не слышны, /А где хватит на полразговорца, - /Там припомнят кремлевского горца./

И вот это силовое поле трагической обреченности поэта на заклатие «веку-волкодаву», как сам Мандельштам об этом пророчествовал в кромешных, беспросветных 30-х годах прошлого столетия, и являются сюжетной канвой моноспектакля «Мандельштама нет». Сюжетное повествование ведется от лица жены поэта Надежды Яковлевны Мандельштам по ее эпохальным «Воспоминаниям».

Свидетельства Надежды Мандельштам о своей черной эпохе рельефны и беспощадны нравственным, праведным судом прежде всего по отношению к себе, своему мужу – высокому поэту, друзьям и близким людям, ближайшему окруже-

нию семьи поэта, растленных ложью и бездушием общества предполагаемого социального братства и равенства. Это время, когда взаимное предательство и отступничество близких друзей и родных людей друг от друга стало нормой жизни. Надежда Яковлевна ставит диагноз своему времени и людям, его сотворившим. Она анализирует для последующих поколений причины, которые создали общество взаимной ненависти и машину взаимного истребления.

Надежда Мандельштам на примере своего мужа и его окружения, сходящихся и расходящихся силовых линий судеб, людей, бытовых обстоятельств, исторических событий показывает искаженное злобой лицо эпохи и перекошенные страхом и ненавистью лица современников – соплеменников – солагерников. Поэтов, художников, партийных функционеров, чиновников, люмпенов всех мастей. Приговор по суду совести Надежды Мандельштам собственной эпохе и себе – виноваты все. Правых – нет. Все, как один, поголовно и подушно принимали участие в бесовских игрищах страстей лживой эпохи. То, что станет впоследствии в воспоминаниях потомков и исследователей начала 20-го века классическим Серебряным веком, было, по свидетельству Надежды Мандельштам, изнанкой лицемерия, перевертышем двоедушия и лжи последующей катастрофы общества. С началом века началось ложь сознания и растрепанность душ людей. И, в первую голову, эта ложь начала культивироваться носителями культурных ценностей того беззаботного времени – поэтов, художников, музыкантов. Ложь и лицемерие, что укоренились и вошли в бытовую повседневность и личную жизнь первой половины всего 20-го века, продолжающие жить поныне.

Моноспектакль «Мандельштама нет» (по замыслу режиссера Олега Дмитриева) скуп на внешние выразительные средства. Сценография лаконична, неприхотлива и буднична, без душераздирающих сценических «приспособлений», рассчитанных на прошибание горячей слезы и холодного пота у доверчивого зрителя. Напротив. Зрительское внимание сконцентрировано исключительно на надвигающейся катастрофе жизни Поэта. Его саморазрушению через самоосознание. Осип Мандельштам свидетельствовал об этом так: «Душевный строй поэта располагает к катастрофе». Вот ключ к пониманию происходящего трагедийного действия.

Из трагического нерва эпохи связываются драматургические узелки и ходы режиссерской партитуры моноспектакля, которые содержательно, где скупое, а где неистовое, словно освобождаясь от удушающей боли и отчаянья, распутывает от имени главного действующего лица повествования – Трагедии Личности Поэта – актриса Театра Европы Галина Филимонова. Она ведет безыскусный, доверительный разговор со зрителем по «Воспоминаниям» Надежды Мандельштам. Пытается донести до нас боль и отчаянье произошедшей с людьми катастрофы. Это не столько желание вызвать в нас жалость и сострадание к обстоятельствам и судьбам эпохи самораспада, сколько попытка осмыслить вместе с нами пути судьбы человека в ее трагических испытаниях. Поиск духовно-

го покаяния за содеянные преступления против совести, личности живших и ныне живущих людей. Нас с вами.

Бытовое решение сценического пространства. Что-то вроде коммунальной каморки. Стол, стул. Плетенка-абажур, где бьется певчей птичкой запертое пламя души поэта, подвешена к незримому потолку – иллюзии ее небесного пристанища. На полу чемодан, набитый булыжниками. По дошедшему до нас свидетельству солагерника поэта, Осип Манделъштам, уже обреченный на смерть в сталинских застенках, сказал о себе: «Первая моя книга была «Камень», последняя моя книга будет мне камнем». Идея камня – библейская идея вечности бытия небесного и земного. «Паденье – неизменный спутник страха, /И самый страх есть чувство пустоты. /Кто камни нам бросает с высоты, /И камень отрицает иго страха?» (Осип Манделъштам)

«В настоящей трагедии гибнет не герой, гибнет хор». (Иосиф Бродский) Трагедию личности, государственности, драмы социальной извращенности общества и духовного растрепания людей первой половины 20 – го века невозможно представить ныне живущему поколению людей. Не в силу далеко отстоящих событий, но потому, что мы живем в социальном конформизме и душевной сытости. Особенно, «племя младое, незнакомое», воспитанное на телевизионных проектах и продуктах, чья содержательная часть сводится к утробной метафизике: «Чтобы у нас все было и нам за это ничего не было».

В этом смысле у нас мало что изменилось в сознании людей. Шкурное стяжательство и философия потребления неистребимы. История человеческих пороков движется по замкнутому кругу. В этой науке все открытия уже сделаны и ничего нового не предвидится. Разница лишь в том, что в роковых тридцатых-сороковых двадцатого столетия принцип социального стяжания и паразитизма был замешан на крови: «Грабь награбленное». Теперь же это делается при молчаливом соглашательстве и равнодушии всех социальных слоев и членов общества. Но это отголоски волны кровавого молоха прошлого столетия. Язвенный гнойник не удален из памяти, раковая опухоль продолжает паразитировать на живых соках человеческого существования.

И трагедия личности, и катастрофа жизни Осипа Манделъштама позволяет приблизиться хоть на йоту к пониманию апокалипсического ужаса эпохи 30-х годов минувшего века и осмыслить что-то в нас самих. Откуда – мы? Кто – мы? Куда – мы? Спектакль «Манделъштам нет» серьезен и значителен постановкой вопроса о нас самих – природе нашей душевной трусости и мере ее трупной сытости. В наши души сначала вползает червь равнодушия и черствости к ближнему своему. Дальше, опустошенные и растрепанные, мы начинаем уничтожать себе подобных и самих себя.

Имени Манделъштама может и не быть в наше шкурное время. Оно может быть не на слуху или напрочь стерто из карты человеческой памяти. Но есть его стихи, в коих живет его бессмертная душа. С точки зрения вечности – промысла

божьего – большего и не надо.

*Не многие для вечности живут,
Но если ты мгновенным озабочен –
Твой жребий страшен и твой дом непрочен!*

Виктор Григорьев

21 января 2009,
Санкт-Петербург